

Когда в Сирии разразилась гражданская война, Усама Нуралдин (Usama Nuraldin) был успешным дамасским бизнесменом и главой молодой семьи. Теперь он безработный беженец в коммерческой столице Казахстана Алматы, один из горстки соотечественников, обосновавшихся в этом центральноазиатском государстве.

«Сначала не было настоящей войны, но месяца через три-четыре жизнь стала меняться, – сказал 35-летний сириец EurasiaNet.org. – Раздавались взрывы, люди убивали друг друга каждый день. Это было ужасно».

Чаша терпения Нуралдина переполнилась, когда повстанцы сожгли его магазин одежды, т.к. он отказался вступить в их ряды. «Они начали нам угрожать: «Если вы не с нами, мы вас убьем или арестуем». Тогда я решил уехать в Казахстан», – рассказал он.

Казахстан почти не упоминается в контексте кризиса с сирийскими беженцами. Из порядка четырех миллионов бежавших из Сирии, в этой центральноазиатской республике обосновались лишь 27 человек. Это капля в море. Но администрация президента Нурсултана Назарбаева, добивающаяся для страны статуса непостоянного члена Совета безопасности ООН, решила подправить свою международную репутацию, предложив принять у себя часть спасающихся из Сирии людей.

Представитель УВКБ ООН в Центральной Азии Бернард Дойл (Bernard Doyle) сказал EurasiaNet.org, что данный шаг был «очень позитивным», хотя «в реальности Казахстан, конечно, удален от театра событий».

Подобные слова являются приятной для Казахстана похвалой, особенно учитывая тот факт, что в последний раз республика мелькала в заголовках в контексте с беженцами в 2010 году, когда власти депортировали в Узбекистан 30 попросивших убежище лиц, которым, по сообщениям, дома грозили пытки и судебное преследование за их религиозные убеждения.

Теперь Астана старается выправить свой имидж в этой сфере. В прошлом году Казахстан предложил принять у себя пять бывших узников тюрьмы в Гуантанамо, но у прибывших возникли сложности с адаптацией по причине языковых и культурных проблем.

Многие сирийские беженцы адаптируются успешнее, т.к. ранее уже были как-то связаны с Казахстаном и немного говорят по-русски или по-казахски. В сентябре член верхней палаты парламента Великобритании лорд Десаи предложил убедить центральноазиатские республики принять у себя большее число сирийских беженцев, т.к. они являются единоверцами.

Нуралдин раньше учился в Алматы на врача, но вынужден был бросить занятия по финансовым причинам. Он женат на гражданке Казахстана, переехавшей с ним в Дамаск в 2006 году.

По его словам, когда ему с женой и тремя детьми пришлось бежать из Сирии в Казахстан, власти республики проявили «большое понимание». Миграционная полиция, занимающаяся беженцами, быстро предоставила ему статус беженца, что дало Нуралдину право устроиться на работу и позволило семье получить

доступ к медицинскому обслуживанию. Правда, трудоустроиться ему пока не удалось.

Однако правительство не оказывает финансовой помощи беженцам, многие из которых выживают на подачки Красного полумесяца или устраиваются на работу неофициально. Именно так поступил Мухаммад, работающий охранником за \$130 в месяц, что равно примерно трети средней зарплаты в республике.

Мухаммад (не назвавший своего настоящего имени, т.к. работает нелегально) всячески хвалил казахстанских консульских работников в Дамаске, «очень помогших» разобраться в бюрократическом лабиринте, получить убежище и уехать в 2013 году с женой и пятью детьми из раздираемого войной Хомса.

Но если беженцы до приезда никак не были связаны с Казахстаном, то устраиваться им становится сложнее. Например, Яссеру Коулу (Yasser Kohl) отказали в статусе беженца. Его дело дошло до Верховного суда, но он проиграл, и теперь живет в Казахстане с женой и детьми нелегально, т.к. ему просто некуда ехать, сказал он журналу *Esquire Kazakhstan* в октябре. По его словам, выиграть дело было практически невозможно без документов, которые он никак не мог достать, т.к. они находились в зоне военных действий. Ему не дали официального объяснения отказа в предоставлении статуса беженца.

Нежелание предоставлять сирийцам убежище, судя по всему, связано с паническим настроением властей по поводу радикализма в Казахстане. Чиновники неоднократно выражали беспокойство относительно участия казахстанских граждан в сирийском конфликте. Казахстан не одинок в своих страхах, как видно из скандалов в других странах, связанных с вопросом принятия сирийских беженцев после терактов в Париже, хотя глава УВКБ заявил, что возлагать вину за терроризм на беженцев – это «абсолютная нелепица».

Трудности для просящих убежище создают и особенности казахстанского законодательства, в соответствии с которым для предоставления статуса беженца необходимо, чтобы иностранный гражданин доказал, что преследованиям на родине подвергается он лично, а не просто лица из этнической, политической или прочей группы, к которой он принадлежит, объяснил заместитель представителя УВКБ ООН в Центральной Азии Эдуардо Ирезабаль де ла Торре (Eduardo Yrezabal de la Torre). Данное положение закона основано на международной конвенции о беженцах 1951 года, в то время как многие западные страны используют более широкую трактовку, позволяющую предоставлять защиту всем лицам, бегущим из зоны конфликта.

Казахстан в целом «придерживается, или старается придерживаться, взятых на себя в соответствии с конвенцией 1951 года обязательств, – сказал де ла Торре. – Проблема, на мой взгляд, не в отсутствии желания, а в несовершенстве законодательства».

По словам де ла Торре, при нынешнем положении дел беженцы обречены постоянно жить во временном статусе, что мешает им почувствовать себя в безопасности и успешно интегрироваться.

Статус беженца выдается сроком на один год. Правда, его можно продлевать неограниченное количество раз, но он не дает права в конечном итоге получить гражданство. Можно получить вид на жительство, но это дорогостоящий процесс,

при котором необходимо доказать способность содержать себя, показав как минимум \$8300 на банковском счету.

На взгляд УВКБ, Казахстан может легко решить проблему с беженцами, способствуя их полной интеграции.

В Казахстане сейчас проживает 662 официально зарегистрированных беженца (593 афганца, 27 сирийцев и ряд лиц из других государств, вроде Узбекистана или далекого Сомали). Эти люди составляют лишь 0,003% населения республики, достигающего 17,6 млн человек.

Учитывая, сколь незначительным является число беженцев, Казахстан может позволить себе показать всему миру пример, дав им возможность получить вид на жительство, а затем и гражданство, таким образом показав, что «людям нет нужды оставаться беженцами всю свою жизнь», заявил Дойл.

Хотя его магазин разрушен, а в его доме живут боевики, Нуралдин надеется когда-нибудь вернуться на родину. «Мы хотим, чтобы война закончилась и мы могли вернуться домой, – сказал он. – Мы надеемся, что скоро все закончится».